

Х. Ю. Мухитдинов

СТАТУЭТКИ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА С ЗЕРКАЛОМ ИЗ САКСОНОХУРА¹

Городище Саксонохур расположено в Южном Таджикистане, в 7 км севернее районного центра Пархар. Во время археологических работ, проводившихся в 1966—1967 гг. под руководством Б. А. Литвинского, выявлено два комплекса: дворцово-храмовый, расположенный в северо-восточной части городища, и ремесленный — в юго-восточной.

Тщательная археологическая фиксация элементов позволила детально наметить стратиграфию ремесленно-гончарного квартала. Нижний слой — ранняя керамическая мастерская с остатками построек и четыре обжигательные печи — на основе обнаруженных материалов датируется греко-бактрийским временем (III—II вв. до н. э.). Этот слой сверху прикрывают остатки сооружений второго хозяйственно-жилого комплекса, который датируется II—I вв. до н. э. Третий слой — гончарная мастерская кушанского времени. От этого горизонта сохранились остатки пяти обжигательных печей, топочные камеры которых углублены во второй горизонт, при этом во многих местах нарушена планировка комплекса. Время существования гончарной мастерской — I—II вв. н. э.

Четвертый слой — слой вспаханной почвы, который разнообразным материалом датируется II—III вв. н. э. Терракотные изделия обнаружены во всех вышеупомянутых горизонтах. При раскопках найдено 30 статуэток и форм для их изготовления².

В нижнем горизонте (III—II вв. до н. э.) найдено семь женских статуэток, причем четыре из них непосредственно в культурном слое, три — подъемные. Среди скульптурок выделяются три. Каждая из них изображает стоящую женщину, одетую в длинное, ниспадающее до пят платье, на котором имеется рисунок в виде вертикальных и косых линий, имитирующих, видимо, растительные побеги.

В согнутых в локте руках у середины груди — круглое зеркало с боковой ручкой. Детали платья одинаковы и восходят к единому прототипу.

Одна из этих терракот — статуэтка богини с зеркалом (рис. 1) — представляет собой плоскую фигурку (головка у нее отбита) светлого цвета, покрытую таким же ангобом. Отгиснута она в одностворчатой форме. Высота фигурки — 9, ширина плеч — 3,9, объем талии (видимо, за-

¹ Мы приносим благодарность Б. А. Литвинскому за разрешение включить в текст статьи, неопубликованные им материалы по этнографии и истории религии.

² О раскопках городища Саксонохур см.: Б. А. Литвинский, Археологические работы Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР, сб. «Археологические открытия в 1966 году», М., 1967; его же, Археология Таджикистана за годы Советской власти, «Сов. археология», 1967, № 3; его же, Памятники Южного Таджикистана, «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки», Душанбе, 1968; Х. Ю. Мухитдинов, Гончарный квартал Саксонохура, «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», 1968, № 3 (52); его же. Терракоты Саксонохура, в кн.: «Международная конференция по истории археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов советских ученых», М., 1968; Б. А. Литвинский, Х. Ю. Мухитдинов, Античное городище Саксонохур, «Сов. археология», 1969, № 2; Х. Ю. Мухитдинов, Разведки в Пархарском районе в 1964 г., сб. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971.

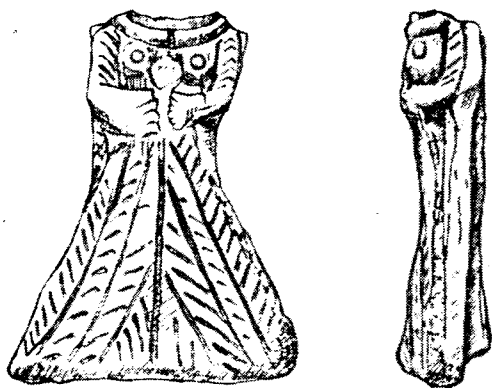

Рис. 1. Терракотовая статуэтка женского божества с зеркалом греко-бактрийского времени (найдена при раскопке городища Саксонохура)

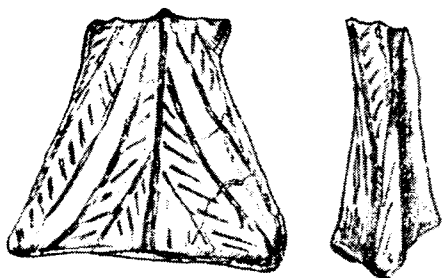

Рис. 2. Фрагмент статуэтки женского божества греко-бактрийского времени из Саксонохура

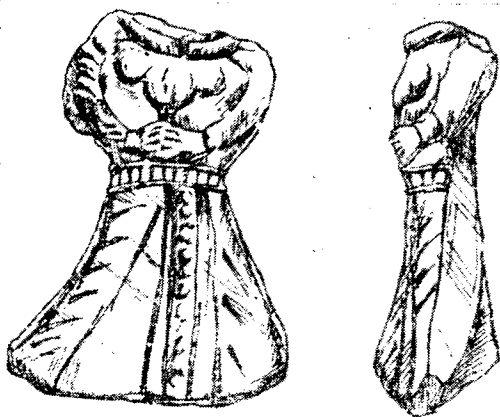

Рис. 3. Женская статуэтка кушанского времени, найденная недалеко от раскопа

уженной) — 3 см. У шейного выреза платья — широкая, утолщающаяся к концам гривна.

Нижняя половина скульптурки раструбообразно расширяется, достигая в самом широком месте 6,7 см. В вертикальном сечении тыльная часть выпуклая, а основание несколько выступает вперед. В верхней части рук косыми штрихами-насечками показаны складки рукавов. Нижняя половина платья орнаментирована косыми, параллельными краям полосами (по три с каждой стороны). Пространство между наклонными полосами заполнено штрихами.

Верхняя часть скульптурки орнаментом не покрыта. Здесь лишь рельефно показаны груди с углубленным круглым соском и в ложбинке между ними диск зеркала. Создается впечатление, что верхняя половина туловища обнажена. Терракота выполнена грубовато, боковые и тыльные грани ее подрезаны ножом. Пальцы рук, держащие зеркало, показаны чрезвычайно схематично.

От второй статуэтки (рис. 2), найденной в нижнем горизонте, сохранилась лишь ее нижняя часть. Фигурка была изготовлена в той же форме, что и предыдущая. Фактура, цвет и ангоб черепка у них также одинаковые. Однако на второй статуэтке в отличие от первой, после извлечения из формы на лицевой стороне (если судить по сохранившейся части) не производилась дополнительная проработка деталей орнамента.

Третья фигурка (рис. 3) (без головы) найдена недалеко от раскопа. Она также изображает стоящую во весь рост женщину с зеркалом, поддерживаемым у груди обеими руками, но диск зеркала сломан. Высота фигурки — 9, ширина по низу — 5, талия — 3, плечи — 5, толщина фигурки — 1,7 см. Отличия от предыдущих статуэток следующие: талия находится ниже, соответственно ниже опущены согнутые руки. На талии — широкий рельефный пояс (две горизонтальные полосы, углубленное пространство между которыми заполнено равнобедренными треугольниками с вершиной, направленной вниз). По-иному трактована и нижняя половина фигурки. Раструбообразность сохранена, но боковые грани не прямые, а вогнутые. Нижняя, вогнутая часть в горизонтальном сечении образует по краям нечто напоминающее валики. Создается впечатление, что это слабо моделированные ноги. Эта часть статуэтки орнаментирована по центру четырьмя вертикальными желобками. От них под углом, параллельно краю, — две широкие полосы, заполненные редкими косыми штрихами. К этим полосам примыкают изнутри две суживающиеся полосы. Рукава украшены косыми штрихами. Виден браслет. Кисти рук переданы очень схематично, грудь, по-видимому, была обнажена. По сравнению с первой и второй фигурками, третья скульптурка более реалистична и пластична.

Женская статуэтка с зеркалом в руках в Средней Азии впервые была найдена при работах экспедиции Р. Пампелли на Гяуркале и опубликована в 1908 г. Г. Шмидтом³. Сравнительно большая группа фигурок такого типа обнаружена на территории Маргианы. На эти статуэтки впервые обратил внимание Л. И. Ремпель. Он рассматривал их как воспроизведение образа мервской богини, необходимым атрибутом которой было зеркало⁴. Г. А. Пугаченкова, которой принадлежит детальный и разносторонний анализ коропластического искусства древней Маргианы, связала появление данного иконографического образа с определенным влиянием культа эллинистической Исиды⁵. Зеркало имеется и у статуэтки из Согда. По мнению А. М. Хазанова, на многих статуэтках кушанского времени из Афрасиаба (данные о которых опубликованы Ф. А. Заславской) также имеются изображения зеркал⁶. В Хорезме статуэтки с зеркалом найдены в слоях IV—III вв. до н. э. Основываясь на этих материалах, М. Г. Воробьева приходит к выводу о том, что хорезмийская «богиня с зеркалом» — это местная богиня, связанная с культом плодоносящих сил природы⁷. Терракотовая статуэтка подобной иконографической схемы найдена в Тепаи Зергаран (Южная Бактрия) и датируется кушанским временем⁸. Статуэтка определена как «дама с зеркалом». Не исключено, что она изображает ту же богиню, образ которой широко был распространен в Северной Бактрии, Парфии и Хорезме.

Среди среднеазиатских женских статуэток с зеркалом можно выделить несколько иконографических типов. Маргианские статуэтки II—I вв. до н. э. изображают женщину с правильными чертами лица, одетую в

³ H. Schmidt, *Archaeological excavations in Anau and Old Merv*, in: R. Pampelly, *Exploration in Turkestan, Expedition of 1904*, I, Washington, 1908, p. 200, pl. 55, 4.

⁴ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (далее «Труды ЮТАКЭ»), т. I, Ашхабад, 1949, стр. 339; е е же, Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 178—182.

⁵ Г. А. Пугаченкова, Маргианская богиня, «Сов. археология», т. XXIX—XXX, М., 1959, стр. 128; е е же, Коропластика Мерва, «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1966, стр. 130; е е же, Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 77.

⁶ А. М. Хазанов, Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 93; Ф. А. Заславская, Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба, сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, — особенно на зеркало похож предмет в руках статуэтки 47 (стр. 39).

⁷ «Кой-Крыглан-кала», М., 1967, стр. 182.

⁸ J. C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, Paris, 1957, p. 54.

облегающее платье, поверх которого наброшен драпирующийся мягкими складками гиматий. В правой руке, согнутой традиционным образом, — небольшое круглое зеркало на длинной рукоятке; левая рука придерживает гиматий у бедра. Встречаются также фигурки, у которых в левой руке, прижатой к животу, есть зеркало⁹. В основании некоторых статуэток есть специальное приспособление (развилка) для закрепления на какой-либо подставке.

Традиционный вид статуэтки сохраняют до II—III вв. Часты в этот период статуэтки с зеркалом в каждой руке.

В Хорезме подобные статуэтки существовали в IV—III вв. до н. э. Однако иконография их несколько отличается от иконографии маргианских скульптурок. Хорезмская скульптурка изображает женщину, одетую в длинное платье, поверх которого накинута покрывало, левая рука опущена, в правой зеркало.

Таким образом, в Туркмении и Хорезме существовали сходные иконографические образы «Богини с зеркалом». Если отвлечься от отличий в costume, то можно сказать, что они восходят к единой иконографической основе, не похожей, однако, на иконографию саксонохурских статуэток.

Безусловно, зеркало у мервских, хорезмийских и саксонохурских терракот является важным атрибутом. Известно, что зеркало, обладающее магическо-охранительной функцией, играло важную роль в религиозных верованиях сарматов¹⁰. Такова же была его роль и в верованиях древних ферганцев и других народов Средней Азии, где оно было атрибутом женского божества земли и плодородия¹¹.

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что возникновение образа богини с зеркалом восходит к доэллинистическому периоду. На саксонохурских изображениях этой богини четко выступают локальные элементы. Такова одежда, украшенная растительным рисунком. Иконография богини не находит прямых параллелей в синхронном коропластическом материале из Средней Азии, ни за ее пределами. Саксонохурские статуэтки «богини с зеркалом», видимо, изображают богиню, связанную с древними религиозными образами обитателей этих мест. Находки статуэток подобного типа в районах, прямо или косвенно связанных с Амударьей, свидетельствуют о том, что наибольшее распространение этот образ получил в древнеземледельческих оазисах, связанных с этой могучей рекой.

В саксонохурских статуэтках в большей степени, чем в мервских и хорезмийских, отразились местные черты образа. В фигурках из Мерва чувствуется влияние эллинистической иконографии, что дает основание предположить связь местной богини с эллино-римской Исидой, культ которой был чрезвычайно распространен в античное время¹². Однако вряд ли иконография Исиды могла существенно повлиять на формирование образа маргианской богини с зеркалом, а также на возникновение подобного образа в других среднеазиатских областях. Более вероятно, что мервские статуэтки изображают местную богиню в греческой одежде. Атрибут этого божества — зеркало — неизвестен в изображениях Исиды.

⁹ Г. А. Пугаченкова, Коропластика Мерва, стр. 128.

¹⁰ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 89—95.

¹¹ Б. А. Литвинский, Зеркало в верованиях древних ферганцев, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 103.

¹² А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 322, 323; Р. В. Кинжалов, Статуэтка Исиды-Фортуны (к вопросу о позднеэллинистическом синкретизме), Сб. «Культура и искусство античного мира и Востока», «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, Л.—М., 1958; Ф. Ф. Зелинский, Религия эллинизма, т. II, 1922, стр. 46; В. И. Авдиев, Предисловие к кн. Тренчени-Вальдапфель Имре. Мифология (пер. с венгерского), М., 1959, стр. 13.

В греческом мире также известны женские изображения с зеркалом, но в некоторых из них зеркало играет роль бытового атрибута. Например, в позднеклассический и эллинистический периоды широкое распространение получил культ Афродиты¹³.

Статуэтки, обнаруженные при раскопках Хан-Шейхуна, изображают обнаженную богиню, которая обеими руками держит у груди зеркало с боковой ручкой, причем ее поза очень близка к позе саксонохурских статуэток. Данный тип статуэток датируется IV в. до н. э.¹⁴

Позднее, под сильным воздействием римской культуры, этот тип статуэток вытесняется другим — задрапированной в длинную одежду фигуркой Юноны, богини любви и брака. Появляются также фигурки, изображающие богиню Деметру, атрибутом которой также являлось зеркало¹⁵.

Следовательно, культ божества с зеркалом был распространен за пределами Средней Азии, что говорит о типологической близости (в этом отношении) определенных религиозных образов и верований.

Статуэтки с зеркалом известны и в более раннее время, еще в эпоху бронзы. Например, у статуэток Ура (конец III тысячелетия до н. э.) на уровне груди — круглый диск, напоминающий зеркало¹⁶, причем диск придерживается обеими руками. Ко II тысячелетию до н. э. относятся изображения из Нузи: женское божество, держащее в вытянутых и поднятых вверх руках по зеркалу¹⁷. О том, что этот образ существовал у древнейших иранских племен, может свидетельствовать зеркало из частной коллекции Тегеранского музея, происходящее из Хурвина (IX—VIII вв. до н. э.). Оно имеет ручку в виде женской фигурки, держащей двумя руками диск зеркала над головой¹⁸. Аналогичное зеркало имеется среди бронзовых изделий Луристана¹⁹. В древней Греции изготовлялись круглые металлические зеркала с изящными ручками, в качестве которых служили статуэтки богини красоты²⁰.

На переднеазиатских терракотах (со II тысячелетия до н. э. и до времени селевкидов и парфянской эпохи) пропорции более вытянуты, руки сложены на животе или прижаты к груди.

В Средней Азии одним из наиболее ранних примеров такой иконографической схемы является статуэтка из Намазга-Тепе. Материалы о ней были опубликованы Д. Д. Букиничем и переизданы Л. И. Ремпелем. Судя по результатам раскопок, она скорее всего относится ко II тысячелетию до н. э.²¹

Сейчас мы подошли к очень сложной проблеме генезиса иконографических особенностей саксонохурских статуэток. Эти статуэтки, особенно две первые, довольно плоские, с треугольной растругообразной и несколько

¹³ Н. Н. Бритова, Греческая терракота, М., 1969, стр. 78—87, 90; Н. Кондаков, Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту, «Записки Одесского общества истории и древности», т. XI, Одесса, 1879, стр. 156.

¹⁴ Du Mensil du Bulsson, Une Compagne de fouilles a Khan-Seikhoun, «Syria», XII, 1932.

¹⁵ H. Seyrig, Antiquité Syriennes, «Syria», XV, 1933, pl. XXXVIII, 1.

¹⁶ E. D. van Buren, Clay figurines of Babylonia and Assyria, London, 1930, p. 23, pl. XXV, 23, 24.

¹⁷ M.-Th. Barrelet, Les déesses armées et alliés, «Syria», XXX, 3—4, Paris, 1955, p. 243, 2.

¹⁸ A. Chirshman, Persia from the origins to Alexander the Great, Thames and Hudson, 1964, p. 23.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ф. Баумгартен, Ф. Поланд, Р. Вагнер, Эллиническая культура, СПб., 1906, стр. 105 и 283, рис. 173.

²¹ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. «Сов. этнография», 1952, № 4; Б. А. Куфтин, Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземельческих поселений эпохи бронзы в 1952 г., «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956; В. М. Массон, Расцвет и упадок культур земледельцев Юго-Запада, в сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966.

выступающей вперед у основания нижней частью. На все скульптурки нанесен «растительный» орнамент. Все эти особенности находят неожиданно близкие параллели в некоторых южнотуркменских статуэтках эпохи бронзы — конца III—II тысячелетия до н. э.²² Конечно, можно говорить лишь о возможных исходных точках генезиса данного иконографического образа. Автор вполне отдает себе отчет в том, что это предположение может встретить резонные возражения; промежуточных звеньев нет. Однако открытие памятников поздней бронзы на территории Северной Бактрии, типологически близких южнотуркменским, вселяет надежду, что имеющиеся в настоящее время лакуны в дальнейшем будут заполнены.

Перейдем к рассмотрению вопроса о значении зеркала как атрибута. У многих народов, в том числе близких или родственных среднеазиатским, зеркало занимало важное место в верованиях²³.

Представление об особой магической силе зеркал и связанный с ними культ женского божества были широко распространены не только у народов, населявших Среднюю Азию, и у сарматов, но также и у скифов. В этом отношении любопытно изображение на золотых бляшках из Куль-Обы и Чертомлыка. На них в различных вариантах представлена широко распространенная в скифо-меотской среде сцена передачи власти или приобщения к ней. Молодой скиф с поднесенным ко рту ритуальным стоит перед сидящей на кресле богиней, держащей в левой руке зеркало.

Вышеприведенный пример показывает, что женские изображения с зеркалом связаны со сходными религиозными представлениями иранских народов. А. М. Хазанов отмечает двоякую роль зеркал: это и атрибут божественной власти, олицетворяющий жизненное начало и источник магических сил²⁴. Подобное двоякое значение имеют и зеркала саксонохурских статуэток. Женское божество с зеркалом почиталось не только оседлым населением Средней Азии, связанным с крупнейшими водными артериями, но и всеми ираноязычными народами древнеземледельческих регионов и их соседями, близкими по языку и обычаям, обитателями широких степных просторов, где сохранилась «верность религии древних арийцев»²⁵.

Все вышеуказанное не оставляет сомнения, что зеркало на наших статуэтках не бытовой, а культовый предмет и, следовательно, оно является важным аргументом в пользу мнения исследователей, изучавших такие статуэтки из других областей и приходивших к выводу, что это изображение женского божества. Но какого именно божества?

Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен. В. А. Лившиц указал нам, что в письменных источниках не сохранилось упоминаний о наличии в древнеиранском пантеоне каких-либо женских божеств, атрибутом которых являлось бы зеркало. Однако лишь незначительная часть письменных источников, связанных с древнеиранской религией, сохранилась до наших дней. Культовое же значение зеркала и связь его с женским образом датируется археологическими памятниками с территории древнего расселения иранских племен (см. выше).

Б. А. Литвинский высказал идею о связи этих статуэток с культом солнечного божества. В самом деле, этнография дает множество примеров такой связи.

²² См., например, В. М. Массон, В. И. Сарияниди, О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы, «Вестник древней истории», 1969, № 1, рис. 1, стр. 87.

²³ Детальное рассмотрение этого вопроса и ссылки на источники и литературу см.: Б. А. Литвинский, Зеркало в верованиях древних ферганцев; А. М. Хазанов, Указ. раб., Р. Ш. Джарылгасинова, Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии, Сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 346.

²⁴ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 94.

²⁵ В. И. Абаев, Культ «семи богов у скифов», в сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 447.

Многочисленные элементы обрядности культа этой богини сохранились до сих пор в традициях и фольклоре таджиков. Отдельные черты женского божества с зеркалом, видимо, были включены в существовавшие у таджиков до недавнего времени представления о Бибимушкилкушо и Биби Чершанбе, в честь которых каждую среду (Мать-Среда) совершался пышный обряд, в котором зеркало играло важную роль наряду с мукой, водой, сушеным и черным виноградом, свечами. Этот культ (культ «отворительницы» ворот счастья, благополучия и т. д.) широко распространен среди долинных таджиков — таджиков Бухары, Самарканда, Ходжента, где зеркало, мука, вода — атрибуты светлого счастья, благополучия, победы добра над злом²⁶.

Согласно фольклорным произведениям таджиков, зеркало ограждает героя от злых духов и дивов. Зеркалу всегда сопутствует вода. Например, когда герой бросает зеркало, то на этом месте образуется озеро, река, пруд²⁷. Кроме того, зеркало выполняет магически-охранительную функцию (его кладут, например, под голову ребенка в колыбель) и является предметом, приносящим счастье. Разбитое зеркало, напротив, знаменует несчастье. До сих пор сохранился обычай заходить в новый дом с зеркалом. Его обязательно должна нести женщина, причем такая женщина, которая имеет много детей, прожила счастливую жизнь и пользуется уважением. Зеркало вносят в дом завернутым, и только на пороге его разворачивают.

Жених и невеста в первую брачную ночь впервые вместе смотрятся в зеркало. В это время их угощают шербетом, что также связано с представлением о «сладкой жизни». Здесь зеркало выступает как символ светлости, благополучия и сладости супружеской жизни²⁸.

Зеркало является одним из основных предметов в инвентаре среднеазиатских гадалок, которые гадают, заглядывая в воду и зеркало²⁹.

В таджикском фольклоре также сохранились материалы, которые подкрепляют мысль о связи зеркала с астральным культом³⁰. Чрезвычайно богатый таджикский фольклор донес до нас некоторые обрядовые песни, с которыми обращались к солнцу как к живому существу, прося хорошей погоды в ненастье.

В Бухаре, Самарканде, Сурхандарье молодые люди — сыновья-первенцы, при непогоде обращаясь к солнцу или в сторону Киблы, пели следующую песенку.

Анджило, Манджило,
Ради господина луноликого,
Ради господина ангела,
Ради купола золотого,
Госпожа солнце, отступись
(Хуршед ханим фирор кун).
Пусть уходят тучи в твой город,
Пусть солнце приходит в наши края³¹.

²⁶ «Дастурамал оид ба чамъ кардани эҷодиёти даханакии халк» (руководство по сбору фольклора), Сталинабад, 1960, стр. 66. О культе покровительницы женщин-пряж см.: М. С. Андреев, По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 60—76.

²⁷ См.: сб. «Афсонаҳои халқи тоҷик», Сталинабад, 1957, стр. 99, 172.

²⁸ «Дастурамал оид ба чамъ кардани...», стр. 28.

²⁹ За эти сведения автор приносит благодарность сотрудникам сектора фольклора Института языка и литературы АН ТаджССР Р. Амонову, Р. Ахмедову, Ф. Зехни и Т. Израиловой.

³⁰ По сведениям, полученным от Ф. Зехни, при потере родственника или мужа женщина в полнолуние, направляя лицевую часть зеркала в сторону луны, долго и внимательно смотрит в него, надеясь увидеть там изображение пропавшего.

³¹ Эти сведения сообщены фольклористом Р. Ахмедовым.

В кишлаках Аспи Духтар (Девичий конь), Шут и Матман Кашкадарьинской области женщины, стремясь предотвратить непогоду, лепили глиняные круги-лепешки и сушили их на солнце. Этот обычай также связан с культом солнца.

В кишлаке Каратаг Гиссарского района до настоящего времени в непогоду женщины с помощью зеркала пытаются отогнать тучи и вызвать солнце, при этом они, показывая небу зеркало, произносят слова, обращенные к солнцу. Эти слова очень близки вышеприведенной песенке.

Итак, в древнейших верованиях, связанных с зеркалом, прослеживается его связь с солнцем, а также счастьем и благоденствием.

Божеством солнца в древнеиранской религии был Митра. По свидетельству Геродота (I, 131), женское божество, аналогичное греческой Афродите, персы называют Митра³². Л. А. Ельницкий недавно высказал мнение, что это «не является ошибкой, как думали некоторые историки митраизма, и не исключает одновременно существования также и одноименной мужской ипостаси»³³. Однако такое решение вопроса не является общепринятым. Большинство наиболее компетентных исследователей религии иранских народов (в частности, Э. Бенвенист, И. Гершевич, Х. Нюберг)³⁴ считают, что Геродот допустил ошибку, спутав Митру с Анахитой.

Вместе с тем среди иранистов высказывались и другие взгляды. Г. Виденгрэн полагает, что ошибка Геродота связана с тем, что половая принадлежность иранских божеств не всегда была вполне определенной. В этой связи он приводит текст Диогена Лаэрта, писавшего о том, что магами могли быть как мужчины, так и женщины. Г. Виденгрэн утверждает также, что именно в Восточном Иране (куда включает и Среднюю Азию) пол Митры был неопределенным³⁵.

Как пишет Э. А. Грантовский, придерживающийся такой же точки зрения, «для собственно иранской среды известны парные божества, представляющие тесное объединение мужского и женского начал, причем, выступая отдельно, и бог и богиня могли называться одним именем... Вместе с тем существовали иранские культы андрогинных божеств (что, очевидно, связано с указанным представлением о парных божествах)... Андрогинным (или парным, с женским соответствием) божеством мог считаться и Митра». Э. А. Грантовский в отличие от Виденгрэна подчеркивает андрогинные черты в западноиранских представлениях о Митре³⁶. Как андрогинное божество рассматривал Митру и В. В. Струве, полагая, что Геродот не ошибся, а лишь обратил внимание на женское начало в образе Митры³⁷.

Представляется возможным и другое решение вопроса.

Сестрой Митры являлась (согласно Яшту, 17, 16) Аши — дочь Ахура Мазды и Армаити. Другое женское божество, Паранди (Щедрость), часто сопровождает Митру и Аши³⁸. По Г. Виденгрэну, Паранди — божество изобилия, плодородия³⁹. То, что божество с такими функциями

³² Геродот, История в девяти книгах, т. I, М., 1888, стр. 71.

³³ Л. А. Ельницкий, Скифские легенды как культурно-исторический материал, «Сов. археология», 1970, № 2, стр. 65.

³⁴ E. Benveniste, The Persian religion according to the chief Greek Texts, Paris, 1939, p. 27 sq.; I. Gershevitch, The Avestan hymn to Mithra, Cambridge, 1959; H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938, S. 370.

³⁵ G. Widengren, Hochgottglaube im Alten Iran, Uppsala, 1938, S. 127; его же, Die Religionen Irans, Stuttgart, 1965, S. 121.

³⁶ Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 303—305.

³⁷ В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 118, 123—124.

³⁸ I. Gershevitch, Указ. раб., стр. 195, 215.

³⁹ G. Widengren, Die Religionen Irans, S. 15, 16.

известно и в древнеиндийской религии (там оно называется Пурамдхи) ⁴⁰ показывает, что оно имелось еще во время индо-иранской общности. Древней «дозороастрийской» считается и Аши ⁴¹, божество судьбы, правопорядка, благоденствия и плодородия, в частности, покровительница брака и беременности, подательница половой силы и т. д. Многие проявления культа зеркала, пережиточно сохранившиеся в быту таджиков, соответствуют этим представлениям.

Уместно также вспомнить, что в Индии символом и атрибутом женского солнечного божества Сурьи являлся солнечный диск ⁴².

В религии среднеазиатских иранских племен почитание Митры существовало еще в дозораастрийские времена.

Б. А. Литвинский на основе сопоставления и анализа сведений античных источников, древнеперсидских надписей и археологических данных приходит к заключению, что саки северо-западной части Средней Азии поклонялись солнцу. Исходя из сообщения Геродота, он считает, что и у массагетов культ верховного божества имел ярко выраженную солярную окраску.

«Возможно,—пишет он,—это был Ахура-Мазда, или Митра, или, быть может, Митра-Ахура, причем у разных сакских племен могли выступать на передний план разные ипостаси этого божества. С почитанием этого божества были непосредственно связаны культ огня в самых различных его проявлениях и культ коня» ⁴³. Культ же солнца в доарабское время был широко распространен и среди оседлых народов Средней Азии. Посвященные солнцу храмы возвышались в Индии и в разных местах Средней Азии, в том числе в Мерве и Фергане ⁴⁴.

Итак, можно (разумеется, в качестве предварительной рабочей гипотезы) связывать рассматриваемые статуэтки с Митрой, вернее, с его проблематической женской ипостасью или, скорее, с женским божеством круга Митры. Воплощенное в этих статуэтках женское божество должно было быть связано с культом плодородия и вместе с тем принадлежать к кругу солярных божеств.

⁴⁰ I. G o n d a, Die Religionen Indiens, Stuttgart, B. I, 1960, S. 98.

⁴¹ Крупнейший лингвист Г. В. Бейли высказал мысль, что ее имя должно быть сопоставлено с встречающимся на кушанских монетах наименованием женского божества Ардохшо; см.: W. B. Bailey, Zoroastrian problems in ninth century books, Oxford, 1943, p. 65. Однако Дж. Харматта подверг эту точку зрения очень серьезной критике: J. Harmatta, Cusanica, «Acta orientalis Hungaricae». Другие критические замечания см.: M. G. Widengren, Die Religionen Irans, S. 335, Anm.

⁴² M. A. Banerjea, The development of Hindu Iconography, 2nd ed. University of Calcutta, 1955, p. 139, 140; I. G o n d a, Указ. раб., стр. 230.

⁴³ Б. А. Литвинский, Древние кочевники «крыши мира», М., 1972, стр. 145.

⁴⁴ Б. А. Литвинский, Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурной связи племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968, стр. 43.